

ТУМАНЪ

фортификаціонныхъ теорій.

«Господа, развѣ можно такъ злоупотреблять выраженіемъ—по опыту Русско-японской войны?»
(На развалинахъ фортификаціи, стр. 111, В. М. Жильцовъ).

«Только не надо чрезмѣрныхъ увлеченій...»
(Миражъ и дѣйствительность. Л. Михѣва. «Оф. Жизнь» № 268. 1911 г.).

«Я знаю многихъ инженерныхъ офицеровъ какъ раздѣляющихъ мои взгляды, такъ и несогласныхъ съ ними».

(Полянской. «Инж. Жур.» 1906 г.).

«Опытъ войны...» Вокругъ этого крылатаго слова послѣднихъ лѣтъ создалась цѣлая эпопея. Сотни книгъ, брошюръ и статей, своихъ и чужихъ «людей опыта» и «просто такъ», осудили нашу стратегію, тактику, уставы, весь освященный вѣками укладъ нашей военной жизни и воспитанія...

«Опытъ войны» сталъ лозунгомъ прогресса военного дѣла, кумиромъ, внѣ котораго всякое свободное рѣшеніе вопроса признается ретроградствомъ.

Причинъ проигрыша нами кампаніи констатировано тысячи. «Горе побѣжденнымъ», «побѣдителей не судятъ».

Когда-то, на зарѣ нашего ратнаго дѣла, мы тоже были побѣдителями лучшей въ Европѣ арміи, руководимой талантомъ Карла XII; черезъ 200 лѣтъ съ нами повторилось тоже, что когда-то со шведами.

«Исторія повторяется....» Со времени этого повторенія прошло уже шесть лѣтъ, но на многіе интересные вопросы, выдвинутые войной, не получено никакихъ отвѣтовъ и туманъ теорій продолжаетъ окутывать многое, что давно уже должно быть рѣшено авторитетно и категорически. Однимъ изъ такихъ нерѣшенныхъ вопросовъ является вопросъ объ укрѣпленіи полевыхъ позицій. Укрѣпленные позиціи обманули возлагавшіяся на нихъ ожиданія «дипломированныхъ и недипломированныхъ фортификаторовъ» ¹⁾, вотъ все, что можно сказать о нихъ въ настоящее время. «Дала-ли хоть одна изъ нихъ побѣду?» ²⁾ И хотя давать побѣду не дѣло позицій, но въ крушеніи нашей военной славы и позиціи не избѣгли участи виноватаго всегда и во всемъ стрѣлочника.

Казалось бы, что съ выработкою «для русскихъ укрѣпленныхъ позицій» ³⁾ новыхъ схемъ узловой фортификаціи, узловъ обороны, одобренныхъ «дипломированными фортификаторами», расколъ по этому вопросу долженъ-бы былъ прекратиться, но, на самомъ дѣлѣ, съ принятою схемою принципиально не согласны не только многіе рядовые специалисты «люди опыта», но и болѣе широкіе круги «недипломированныхъ фортификаторовъ».

Расколъ не прекращается, а растетъ, и живучесть этого вопроса понятна.

Искусство полевой фортификаціи, «роль лопаты», въ дѣлѣ успешнаго веденія полевыхъ операций, увлекаетъ заманчивымъ обѣщаніемъ легкости побѣды, играетъ на вѣчныхъ струнахъ прісущаго человѣку инстинкта самосохраненія, успокаиваетъ массы призракомъ безопасности отъ огня....

Всѣми признанное теперь могущество послѣдняго, а также искусство маневрированія современныхъ армій, поколебали увѣренность даже въ основныхъ принципахъ полевой фортификаціи и въ настоящее время ту фортификацію, которая служила намъ на войнѣ, стали называть «старой», въ отличіе отъ тѣхъ ея новыхъ теченій, съ которыми мы ниже познакомимся.

¹⁾ Объ узловой фортификаціи. «Русск. Инв.» № 43, 1912 г. Грузевичъ-Нечай.

²⁾ Миражъ Русско-японской войны. Б. М. Жильцовъ.

³⁾ Психическій элементъ и пр. «Инж. Журн.» № 1, 1912 г. В. Полянскій.

Теоріи, отрицающія другъ друга, одна заманчивѣе другой, находятъ своихъ прокуроровъ и защитниковъ, возбуждаютъ споры, негодованія....

«Не должна-ли фортификація претерпѣть такія же рѣзкія измѣненія, какія претерпѣла тактика пѣхоты и артилеріи?» ⁴⁾

«Опорные пункты (редуты) въ передовой линіи своимъ выдвинутымъ положеніемъ представляютъ непремѣнные пункты атаки и тѣмъ вырвутъ инициативу въ направленіи удара изъ рукъ атакующаго» ⁵⁾.

«Редутъ—архаическая форма; ему нѣтъ мѣста въ современномъ бою». Боевыя части располагать нужно линейно, разбрасывая ихъ на большой площади по взводно, даже по отдѣленіямъ ⁶⁾.

«Дѣло не въ редутахъ и окопахъ, а, «какъ результатъ усовершенствованія оружія, въ невидимости позиціи и ея жизни и въ независимости окоповъ и укрѣпленій отъ мертвыхъ пространствъ по фронту. Бой на короткѣ» ⁷⁾.

«Уставъ и тактика твердо предъявляютъ категорическое требованіе къ войскамъ—нанесенія огнемъ противнику наибольшихъ потерь. Исторія войнъ говоритъ, что боязнь потерь въ бою ведетъ къ пораженію и еще большимъ потерямъ. Горе той фортификаціи, которая, не сумѣвъ справиться съ задачею, начнетъ подъ это требованіе подкапываться» ⁸⁾.

Обороны существовать не должно, бой, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть только выжидательный, позиція и ея укрѣпленія—вопросъ второстепенный, маневръ долженъ рѣшить дѣло.

Вотъ образцы разнорѣчивыхъ мнѣній, результаты опыта одной и той же войны.

Разобраться въ нихъ трудно не только «недипломированному фортификатору», которому въ концѣ концовъ придется рѣшать какъ же ему быть, но и тѣмъ «дипломированнымъ фортификаторамъ», которые это дѣло такъ запутали.

Исторія, какъ видимъ, не только повторяется, но иногда и запутывается и одни и тѣже конечные факты приводятъ къ различнымъ изъ нихъ выводамъ.

Тридцать шесть лѣтъ назадъ, подъ впечатлѣніемъ «опыта Плевны», многіе военные круги пришли къ заключенію, что до-

⁴⁾ Миражъ. Б. М. Жильцовъ.

⁵⁾ «Инж. Журн.» №№ 11—12, 1906 г. Полянский.

⁶⁾ «Русск. Инв.» № 43, 1912 г. Грузевичъ-Нечай.

⁷⁾ Б. М. Жильцовъ. Миражъ, стр. 48 и 61.

⁸⁾ Попятное движеніе полевой фортификаціи. С. Мордовинъ. «Русск. Инв.» № 40, 1912 г.

статочно нѣсколькихъ дней, чтобы импровизовать позицію, по силѣ сопротивленія равную настоящей крѣпости.

Противъ долговременной фортификаціи поднялся шумъ, отголоски котораго потеряли свою убѣдительность лишь послѣ «опыта Артура».

По мнѣнію людей перваго опыта, долговременная фортификація вполне замѣняема временной; по мнѣнію людей втораго опыта, «лишь примѣняя къ полевымъ позиціямъ принципъ долговременной фортификаціи въ расположеніи оборонительныхъ сооружений, можно рассчитывать въ настоящее время хоть на временное успѣшное веденіе полевого оборонительнаго боя, а общепринятый (до войны 1904—05 гг.) способъ укрѣпленія позицій, а именно, рядъ опорныхъ пунктовъ, представляющихъ собою скелетъ позиціи, съ сильно развитыми впереди нихъ линіями стрѣлковыхъ окоповъ, получилъ названіе кордонной линіи обороны, отъ которой отказались, какъ извѣстно, долговременная и временная фортификаціи⁹⁾.

Удушливая атмосфера послѣдней войны съ ея постоянными неудачами, «опытъ», на которомъ базируютъ свои доводы реформаторы полевого окопнаго дѣла, заслуживаетъ того, чтобы пересмотрѣть его еще разъ и, безъ всякой предвзятости, подогнуть его къ рамкѣ той или иной изъ новыхъ теорій. Выводъ долженъ получиться самъ собою.

Въ приказѣ главнокомандующаго отъ 27-го марта 1905 г. читаемъ: «Опорныхъ пунктовъ и окоповъ должно быть на позиціи каждой части построено такое число и такой профили, чтобы укрѣпленная позиція, по силѣ своего огня и по препятствіямъ, была для непріятеля *неприступной*.

Это послѣднее выраженіе было лебединою пѣснью нашей былой славы, соломинкою, за которую хватается утопающій...

Въ сознаніи войскъ официально закрѣплялась увѣренность, что не они сами—войска, а мертвые глыбы земли, проволоки и волчьи ямы должны дать неприступность позиціи.

При осмотрахъ укрѣпленной позиціи, подѣхавъ къ стрѣлковому окопу, главнокомандующій и командующій II-й арміей (говорится о Сипингайскихъ позиціяхъ) обыкновенно укладывали одного или нѣсколькихъ солдатъ у подошвы наружной отлогости бруствера, а сами становились на стрѣлковую ступень, смотрѣли и рѣшали, можетъ-ли «онъ» (японецъ) тамъ залечь или нѣтъ и, если оказывалось, что можетъ—гнѣву ихъ не было предѣла»¹⁰⁾.

⁹⁾ «Инж. Журн.» №№ 11—12. 1906 г. Полянскій.

¹⁰⁾ «Инж. Журн.» №№ 9—10. 1906 г. Цабель.

Беремъ на себя смѣлость не коментировать этого факта, онъ слишкомъ много говорить самъ за себя.

Въ указаніи для боя войскамъ I-й японской арміи Куроки, изданномъ послѣ девяти мѣсяцевъ борьбы съ нами, читаемъ:

«Можно сказать, что у противника отсутствуютъ наступательныя тенденціи, ибо хотя онъ и двигается впередъ, но, при выдвинутомъ положеніи, тотчасъ же окапывается, прочно занимаетъ позиціи и не легко ихъ покидаетъ».

Подобныхъ документовъ опыта войны, рисующихъ степень упадка нашего духа до того состоянія, когда буквально въ 2-хъ шагахъ отъ дула винтовки со штыкомъ мы требуемъ еще огневой защиты, можно указать сколько угодно. Они безъ «узловъ обороны» и «миражей войны» вскрываютъ передъ нами ту подлинную обстановку «опыта», послѣ которой, какъ грибы послѣ дождя, стали появляться новыя теоріи, обвиняющія старую (?) фортификацію въ томъ, въ чемъ она никогда не могла быть виновата.

Насколько же увеличенію нашей активности и усвоенію нами, хоть въ будущемъ, наступательныхъ тенденцій не на словахъ только, (слово оборона—подлое слово—замѣнено нынѣ, какъ извѣстно, выраженіемъ «выжидательный бой»), а и на дѣлѣ, способствуютъ вновь предлагаемыя формы укрѣпленія позицій?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ прослѣдимъ хронологически, какую роль въ вѣчномъ тяготѣніи къ тылу играла наша старая (?) фортификація и ея способы укрѣплять позиціи.

Первою нашей неудачею былъ *Тюренченъ*. Причина пораженія подъ Тюренченомъ—подавляющее превосходство силъ атаки, обошедшей оба фланга позиціи, т. е. маневръ.

Второю—*Вафангоу*. Позиція укрѣплена окопами, опорныхъ пунктовъ «архаической формы» не имѣла. Причина пораженія—обходъ фланга, обнаружившійся для насъ совершенно неожиданно на утро второго дня боя, когда генераль Штакельбергъ самъ рѣшилъ переходить въ наступленіе, т. е. тотъ же маневръ противника.

Третьею—*Дашичао*. Сообразно выбранной для боя позиціи она укрѣплялась «узлами». Опорные пункты—кольцевые редуты окопной профили. На Наньдалинской высотѣ редуты горизонтной профили. Окопы полной профили. Промежутки между этими возвышенностями были преграждены обстрѣливаемыми со смежныхъ участковъ искусственными препятствіями—провоолокой, засѣками. Позиція очищается, послѣ удачнаго 2-хъ-дневнаго артилерійскаго боя, по соображеніямъ стратегическаго характера. По мнѣнію глав-

нокомандующаго была угроза, что насъ вмѣстѣ съ позиціей отрѣжутъ отъ тыла, т. е. окончательной причиной отступленія былъ маневръ противника ¹¹⁾).

Четвертой—Хайченъ, пятой—Айсядзянъ. На позиціяхъ редуты въ первой линіи, окопы полной профили, искусственныя препятствія и пр. Отходимъ потому, что японцы, маневрируя, обошли наши фланги.

Шестую—Лаоянъ. Позиція всѣмъ извѣстная. Форты, редуты, проволока и пр. въ первой, второй и т. д. линіяхъ. Очищаемъ позицію, потому, что армія Куроки грозитъ отрѣзать насъ отъ тыла вмѣстѣ съ позиціей.

Седьмую—Шахе. Пробуемъ наступать сами. Послѣ цѣлаго ряда неудачъ на всемъ фронтѣ наступленіе прекращается, ибо японцы вездѣ сами переходятъ въ контръ-наступленіе. Мы удерживаемъ ихъ и обѣ арміи останавливаются почти вплотную другъ къ другу и Шахейскія операціи кончаются.

Восьмую—Сандепу. Пробуемъ вторично наступать сами. Послѣ удачнаго, неожиданнаго для японцевъ, обхода фланга всего ихъ расположенія, наступленіе прекращено. Врагъ съ ничтожными силами своей упорной, доблестной защитой обойденнаго фланга парализуетъ дѣйствія громаднаго превосходства нашихъ силъ до прибытія къ нему подкрѣпленій, послѣ чего самъ грозитъ перейти въ энергичное наступленіе. Здѣсь японцы дають намъ почувствовать силу «неприступной» позиціи, обороняемой живой силою, которую мы тщетно старались замѣнить неприступностью глыбъ земли и проволокою.

Объ укрѣпленную, по правиламъ старой фортификаціи, деревушку (у противника лишь нѣсколько конныхъ орудій и пулеметовъ) разбиваются усилія дивизіи, охраняемой съ фланга еще дивизіей. Редюить Сандепу оказался для насъ неприступнымъ.

Наконецъ, *девятимъ* и послѣднимъ неудачнымъ дѣйствіемъ сухопутной трагедіи этой несчастной войны—*Мукденъ*. Бой на равнинѣ, горъ нѣтъ. На позиціи, можно сказать, одни редуты во всѣхъ линіяхъ, обтянутые на десятки верстъ по фронту и кругомъ проволокою при двойномъ, тройномъ рядѣ волчьихъ ямъ.

Сколько нечеловѣческихъ усилій, сколько труда было употреблено на созданіе этой позиціи, когда замерзшую землю прихо-

¹¹⁾ Позднѣйшими изслѣдованіями этого вопроса выяснено, что у Дашичао, если бы мы во-время не отошли, могла послѣдовать катастрофа. («Военно-Историческій сборникъ», 1911 г., № 4. Дашичао. Г. Штапельбергъ).

дилось разрабатывать лишь кирками, работать цѣлые мѣсяцы по ночамъ, при морозѣ въ 18—20 градусовъ! И финалъ всего обходъ фланга этой титанической позиціи, прорывъ ея центра, безпорядочное отступленіе II-й арміи и конецъ кампаніи!

Вотъ фактъ! Отъ Тюренчена до Мукдена дѣло было именно такъ, а не иначе. Какую же роль во всемъ этомъ играли наши позиціи и тѣ или иные способы ихъ укрѣпленій?

Здѣсь были и позиціи по рецепту старой (?) фортификаціи (Тюренченъ, Вафангоу) и «узлы» (Дашичао) и «невидимость жизни позиціи» (обходъ на Сандепу и знаменитые марши нашего славнаго 1-го Сибирскаго корпуса вдоль Мукденскихъ позицій) и «разброска боевыхъ частей на большой площади (Шахе) и редуты во всѣхъ линіяхъ (Хайченъ, Айсядянь, Лаоянь, Мукденъ) и пр., и пр., и пр.

Выходить, «какъ ни садитесь, а въ музыканты не годитесь»: Гдѣ же черпался «опытъ войны»? И развѣ изъ такого «опыта» можно дѣлать какія-либо заключенія?

Откуда же выведено, что окопы нужно замѣнить редутами, редуты вынести въ первую линію, позицію укрѣплять узлами, боевые части разбрасывать на большихъ площадяхъ? Гдѣ доказательства того, что наблюдаемые во всѣ времена всѣхъ войнъ геройскіе подвиги отдѣльныхъ частей, способныхъ отбивать атаки съ 20—30 шаговъ и успѣшно атаковать вдесятеро сильнѣйшаго противника, можно возводить въ принципъ обороны или атаки!?. Вѣдь это все «игра ума», а не холодное слѣдствіе опыта войны; тогда такъ и говорите, это смѣшивать не нужно!

«Господа, развѣ можно такъ злоупотреблять выраженіемъ—по опыту Русско-японской войны?»

Изъ десяти «опытовъ» въ семи противникъ обошелъ, а въ двухъ мы, ни съ фронта, ни съ фланга, не могли столкнуть его съ позицій, по своей мертвой силѣ представляющихъ такія же точно преграды, какими владѣли и мы.

Откуда же можно вывести заключеніе что, «разбирая любой бой въ Манчжуріи въ минувшую войну, мы видимъ, что самая рѣшительная борьба происходила на главной позиціи, на линіи стрѣлковыхъ окоповъ», какъ говоритъ одинъ изъ авторовъ новыхъ схемъ укрѣпленія позицій¹²⁾? Факты на лицо—самая рѣшительная борьба происходила на флангахъ, а не на главной позиціи на линіи окоповъ. Да и окопныхъ-то позицій у насъ было всего двѣ: Тюренченъ и Вафангоу и отступить съ нихъ вынудило насъ не плохое

¹²⁾ В. Поляскій. «Инжен. Журн.». №№ 11—12, 1906 г.

ихъ укрѣпленіе, а обходъ ихъ фланговъ; можно думать, основываясь на позднѣйшихъ событіяхъ, что, какъ бы мы ихъ ни укрѣпляли результатъ, былъ бы тотъ же.

Вспомнимъ еще одну позицію—Цзиньчжоу. Фланги позиціи упирались въ океанъ. Что же дѣлаютъ японцы? Они фланкируютъ ее огнемъ флота, а пѣхота ихъ по горло въ водѣ всетаки обходитъ позицію, на сколько это возможно сдѣлать въ данной обстановкѣ.

Все нами высказанное относится къ принципиальной сторонѣ вопроса, т. е. къ тому, что никакими схемами укрѣпленія позицій оборона никогда не сможетъ «хотя бы временно диктовать атакѣ свою волю», «опредѣлять для нея непремѣнные пункты атакъ», «парализовать ея дѣйствія» и пр.

Какой намъ толкъ, что японцы тысячу шаговъ идутъ три дня (Мадяпу)? Идутъ медленно, но вѣрно, и берутъ отъ насъ то, что имъ нужно; мы же три дня сидимъ въ редутахъ и смотримъ, а на четвертый бросаемъ ихъ и уходимъ. Что мы этимъ выигрываемъ? Кому это нужно? Причемъ тутъ позиція? Все это, и редуты въ первой линіи, и форты, и окопы на переднихъ и заднихъ отлогостяхъ, и узлы—старыя новости на поляхъ сраженій, а только мы сами, судя по исходу боя, то приписываемъ имъ рѣшающее значеніе, то бранимъ или молчимъ о нихъ, если бой проигранъ.

Наше глубокое убѣжденіе, что выраженія въ родѣ: «необходимо также и въ полевой войнѣ создать рядъ сильныхъ опорныхъ пунктовъ передовой линіи, представляющихъ собою непремѣнные пункты атаки»¹³⁾ или: «если такія позиціи бросались въ прошлую кампанію, то лишь потому, что начальство это приказывало, а войска со слезами на глазахъ ихъ оставляли¹⁴⁾, или: «теперь мы, получивъ (сидя на обратномъ склонѣ) извѣстіе объ обходѣ противника, должны радоваться, ибо чѣмъ глубже зайдетъ противникъ, тѣмъ вѣрнѣе наша побѣда на фронтѣ» и подобныя имъ—это все красивыя фантазіи разыгравшагося воображенія, «слова, слова, слова»... Факты говорятъ иное и поддаваться обаянію этихъ словъ, своего рода «шапками закидаемъ», нельзя.

Беремъ на себя смѣлость предупредить отъ увлеченія ими тѣхъ, кто еще молодъ, чтобы впослѣдствіи имъ не пришлось горько въ нихъ разочароваться и чтобы ихъ энергія не была сломлена крушеніемъ убѣжденій, построенныхъ на пескѣ красивыхъ словъ.

Если подумать до конца, то вѣдь всѣ новѣйшія теоріи укрѣпленія позицій добиваются отъ фортификаціи невозможнаго. Съ одной

¹³⁾ «Ииж. Жур.», №№ 11—12, 1906 г. Полянскій.

¹⁴⁾ «Ииж. Жур.», №№ 6—7, 1907 г. Мордовинъ.

стороны у всѣхъ у нихъ остается затаенное желаніе, оставляя войска на мѣстѣ, ими выбранномъ, разбить противника, сдѣлавъ это мѣсто безопаснымъ для войскъ и опаснымъ для врага, а съ другой — приспособить это же мѣсто и для маневрированія на немъ тѣхъ же войскъ, которыя занимаютъ позицію. «Маневренное значеніе позиціи требуетъ группового расположенія войскъ и широкаго развитія позиціонныхъ дорогъ»¹⁵⁾. «Для облегченія неизбѣжной контръ-атаки занятыхъ противникомъ участковъ позиціи фортификація должна принять мѣры — подготовить дороги, всходы, закрытія для своихъ войскъ и пр.»¹⁶⁾.

Но въдѣ всѣми этими удобствами (какъ и закрытыми горжами укрѣпленій, противъ которыхъ авторъ ратуетъ) воспользуется и ворвавшійся на позицію противникъ — все это вещи обоюдоострыя.

Вопросъ существованія любой позиціи долженъ рѣшиться внѣ ея, въ чистомъ полѣ. Позиція лишь приманка, сидящая на концѣ крючка, и если мы во-время не дернемъ лесу, внѣ воды, то рыба съѣстъ всякую приманку.

Перейдемъ теперь къ практическимъ взглядамъ на роль позицій, выраженнымъ въ извѣстномъ афоризмѣ: «лучшій способъ обороны — атака», т. е. къ вопросу, поставленному нами выше — способствуютъ ли предлагаемыя схемы увеличенію нашей активности и усвоенію наступательныхъ тенденцій? На этотъ вопросъ можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ: никакая схема укрѣпленія позицій ни старой (?) ни новой (?) фортификаціи этому условію не способствуетъ и способствовать не можетъ. Либо позиція, т. е. пассивность, либо маневръ, т. е. активность дѣйствій. Изъ «опыта войны» (къ сожалѣнію мы сами «люди опыта») вытекаетъ, что разгадать намѣренія противника, гдѣ онъ скапливается, гдѣ онъ будетъ атаковать и какъ, чрезвычайно трудно. Такъ называемыя демонстраціи ведутся теперь не такъ наивно, какъ ихъ, повидимому, рисуютъ себѣ многіе новаторы фортификаціи. Теперь бой ведется одновременно во многихъ направленіяхъ на фронтѣ въ десятки верстъ одинаково интенсивно и тамъ, гдѣ атака получаетъ перевѣсъ, она беретъ позицію въ лобъ, а маневренныя ея части дѣлаютъ свое дѣло на флангахъ. Попробуйте бѣгать здѣсь по позиціи, «маневрировать», бросая участки ея безъ войскъ только потому, что противникъ «скапливается» на участкѣ № 1, онъ разорветъ вашъ брошенный участокъ № 5, или атакою во флангъ будетъ «диктовать вамъ свою волю».

¹⁵⁾ Миражъ Русско-японской войны. Б. М. Жильцовъ, стр. 63. <

¹⁶⁾ Полянскій. «Инж. Жур.», № 1, 1912 г.

¹⁷⁾ Миражъ. Б. М. Жильцовъ, стр. 48.

Тутъ поневоля приходится быть на всей позиціи хоть приблизительно одинаково сильнымъ, «приковывать войска къ позиціи», будь то позиція узловая, маневренная, старая, новая или еще какая либо другая, ввѣряя судьбу боя не столько ей, сколько маневрирующимъ въ чистомъ полѣ внѣ ея. По щучьему велѣнію вѣдь ничего не дѣлается и, покуда вы соберетесь передвигать войска съ участка перваго на участокъ пятый, дѣло съ нимъ зачастую уже будетъ покончено и событія могутъ принять такой оборотъ, что нужно будетъ позаботиться лишь о томъ, чтобы во-время «унести ноги». Да и интересно, какъ это возможно ночью, напримѣръ, слѣдить за намѣреніями противника и сообразно этому передвигать войска по участкамъ позиціи? Трубы и бинокль тутъ дѣлу не помогутъ.

Всѣ эти діалоги старой и новой фортификаціи ¹⁸⁾—фантазіи; онѣ «пахнутъ кровью» и потому обязываютъ относиться къ нимъ весьма осторожно. Бѣгать вдоль позиціи во время боя вообще вещь рискованная. Намъ памятны горькіе дни Мукденскихъ боевъ, когда нашъ славный корпусъ заставляли буквально бѣгать вдоль позиціи въ 60 вер. съ одного фланга на другой, ибо казалось, что японцы атакуютъ тамъ, а не здѣсь. Довольно съ насъ этихъ фантастическихъ маневровъ на позиціи, мы хорошо знаемъ имъ цѣну, чтобы не увлекаться діалогами старыхъ и новыхъ фортификацій, узлами и пр. хотя бы и подкрѣпленными одобреніями для кадетскихъ корпусовъ и войскъ енискихъ округовъ...

Безъ дорогъ, по горамъ, въ жару, ночью и днемъ, таща за собою артилерію, двигаются японцы, выходя на нашъ флангъ подъ Вафангоу...

Суровой зимою, днемъ и ночью, двигаются они изъ подъ Артура на нашъ флангъ къ Мукдену—это маневръ внѣ позиціи.

Лучшій и надежнѣйшій корпусъ арміи, суровой зимою, днемъ и ночью, когда на позиціи идетъ смертный бой, двигается форсированными маршами справа на лѣво и слѣва направо вдоль позиціи—это маневръ на позиціи.

Между этими маневрами—пропасть, которую не завалить никакими фантазіями.

Какъ же долженъ быть рѣшенъ вопросъ укрѣпленія позицій: по старымъ, по новымъ или еще по какимъ нибудь совершенно новымъ способамъ, намъ неизвѣстнымъ? Категорическій и авторитетный отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимъ. Онъ прекратитъ ту анар-

¹⁸⁾ На развалинахъ фортификаціи. Б. М. Жильцовъ.

хию взглядовъ на это дѣло, которая теперь наблюдается, и дать молодымъ силамъ, которымъ въ будущемъ придется работать по этой части лопатую, а не перомъ, твердя основанія разумности ихъ дѣйствій.

Кто же долженъ разобраться во всѣхъ предлагаемыхъ по этой части новшествахъ, выдѣлить изъ нихъ ишеницу, отбросить плевелы?

На этотъ вопросъ, по нашему крайнему разумѣнью, должна отвѣтить тактика. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

Представители тактического обученія нашей арміи, генеральный штабъ, должны дать ясныя, точныя и опредѣленные указанія своихъ требованій отъ укрѣпленной позиціи.

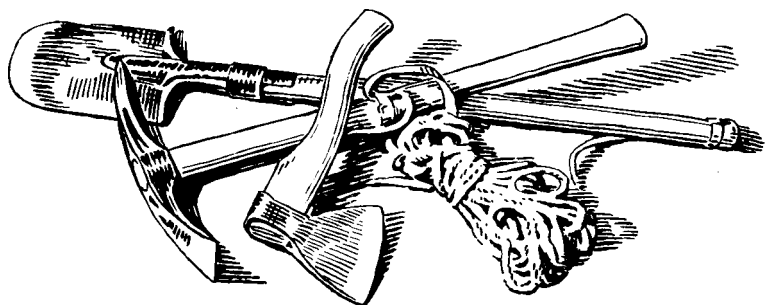
Тактика, а не фортификація, должна отвѣтить: 1) считаетъ ли она возможной практическое созданіе узловъ обороны «на пересѣченной мѣстности (добавимъ отъ себя вообще не на исключительно для узловъ созданной природою), не говоря уже о горной»¹⁹⁾; 2) считаетъ ли она возможнымъ ввести въ правило «бой на короткѣ», отбивать атаки съ 20—30 шаговъ, имѣя въ 30 шагахъ передъ фронтомъ мертвыя пространства въ 200—300 шаговъ; 3) какія формы фортификаціонныхъ укрытій она признаетъ «архаическими» и какія необходимыми, отвѣчающими современнымъ требованіямъ боя; 4) какія формы фортификаціонныхъ сооружений должны быть на фронтѣ позиціи, на тактическихъ ключахъ ея, на флангахъ и въ тылу; 5) считаетъ ли она возможнымъ маневрировать на позиціи тѣми же войсками, кои ее занимаютъ и можетъ ли этотъ маневръ имѣть принципиально рѣшающее значеніе для боя; 6) какая схема, отвѣчая требованіямъ тактики современнаго боя, можетъ быть реально осуществлена на мѣстности и должна быть принята къ руководству?

Фортификація, какъ мы видимъ, имѣетъ теперь возможность удовлетворить любое требованіе, специалисты по всѣмъ формамъ имѣются въ изобиліи и всѣ «по опыту войны». Горевать объ этомъ не приходится. Бѣда можетъ получиться только въ томъ случаѣ, если тактика не представитъ никакихъ опредѣленныхъ требованій, а лишь поставитъ въ условіе (см. выше) «неприступность позиціи», на что каждый, понимая ее по-своему, зацуетъ на свой ладъ—это будетъ хуже.

¹⁹⁾ На развалинахъ фортификаціи. Б. М. Жильцовъ, стр. 20. <

Пишутъ, что покойный Плюцинскій сказалъ любознательному прапорщику, что: «полевая фортификація очень трудный предметъ и не каждому она доступна»²⁰⁾. Шестилѣтній споръ «узловиковъ», «маневренниковъ» и прочихъ, которому конца не видно, доказываетъ, что покойный былъ правъ; тутъ что-то не ладно и помирить расходившуюся фантазію фортификаторовъ должна тактика, высказавъ объ этомъ дѣлѣ свое рѣшающее, авторитетное мнѣніе. Этимъ сдѣлано будетъ гораздо больше, чѣмъ замѣною подлаго слова «обороны» (подлости, которой часто избѣжать нельзя) выраженіемъ «выжидательный бой».

Саперъ.

Вс.

²⁰⁾ «Земщина». 1910 г., № 290 С. Глинка.